

**Институт истории и культурного наследия
Национальной академии наук Кыргызской Республики**

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына

Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева

Диссертационный совет Д. 07.13.013

На правах рукописи

УДК 947:947(575.2)084:9(С)К

БОЛПОНОВА АСЫЛ БАКЫТБЕКОВНА

**История и эволюция клановой системы в политических процессах
кыргызского общества (XIX – XXI вв.)**

Специальность: 07.00.02 – отечественная история

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Бишкек – 2015

Диссертационная работа выполнена в отделе истории Кыргызстана XX – начала XXI веков Института истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики.

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Курманов Зайнидин Карпекович

**Официальные
оппоненты:** доктор исторических наук, профессор
Кененсариев Ташманбет

доктор исторических наук, профессор
Акунов Аалыбек Акунович

доктор исторических наук
Галиева Зайраш Идрисовна

Ведущая организация: программа антропологии Американского университета Центральной Азии (АУЦА).
Адрес: 720040, г. Бишкек, ул. Абдымомунова, 205.

Защита состоится «27» марта 2015 г. в 14.00 ч. на заседании диссертационного совета Д. 07.13.013 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) исторических наук при Институте истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики, Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына, и Кыргызском государственном университете им. И. Арабаева по адресу: 720026, г. Бишкек, Раззакова 51

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. Адрес: 720026, г. Бишкек, ул. Раззакова 51.

Автореферат разослан «26» февраля 2015 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук**

А. А. Арзыматова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Актуальность темы. В настоящее время перед Кыргызстаном остро стоит проблема наличия клановой системы, трайбализма в политической системе общества, государственных институтах. В связи с этим обостряются такие негативные явления общества, как политическая борьба за власть на основе принадлежности к определенной клановой системе, коррупция, конфликт интересов клановых групп, кумовство, политическое покровительство и т.д.

Научные исследования при анализе роли государства в процессе демократизации общества обычно фокусировались на классах, политических партиях, не осознавая значения неформальных отношений в ослаблении прочности режимов. Именно деятельность таких социальных групп, внутренне объединенных набором неформальных норм и правил, наиболее актуализировались с обретением суверенитета. Поэтому, сам феномен появления, существования и сохранения родовой принадлежности до настоящего периода, и формирование на этой основе стереотипов, регламентирующих жизнь современного кыргызского общества, обуславливают важность научных исследований.

Актуальность темы заключается также в необходимости комплексного изучения номадической цивилизации. Особая роль в ней отводится изучению традиционной кочевой общины кыргызов на протяжении XIX – начале XX вв. которые на протяжении тысячелетий выработали особые формы социально-экономических связей, игравшие определяющую роль в производстве, распределении, культовых действиях, управлении, а вместе с тем и самосознания. Родственные взаимоотношения образовывали основу общественного порядка кыргызского общества. Поэтому анализ родовых и клановых идентификаций номадов советских и постсоветских территорий представляет большой научный интерес не только для кыргызского, но для мирового сообщества.

Следовательно, актуальность исследуемой проблемы непосредственно связана со значимостью изучения клановой системы, а вместе с тем и углубленного познания традиционного кыргызского общества. Анализ причин возникновения клановой системы, оценка роли родовой принадлежности, а вместе с тем и ее актуализации имеют большое значение для правильного понимания особенностей традиционного общества кыргызов. Изучение клановости представляет особый интерес для научного сообщества, государственного управления и может способствовать улучшению проводимых государственных реформ в различных сферах общественной жизни. Без обстоятельного изучения традиционного кыргызского общества, идентификации и менталитета кыргызов может исчезнуть и весь феномен его существования.

Объект исследования – клановая система в политических процессах кыргызского общества в XIX – XXI вв.

Предмет исследования – история и эволюция клановой системы.

Связь темы диссертации с крупными научными программами (проектами) или основными научно-исследовательскими работами. Диссертация является инициативной.

Методологической и теоретической основой исследования являются критико-аналитический, историко-сравнительный, логический методы системного анализа и обобщений. Активно используются принципы диалектики, социально-экономический детерминизм, а также структурно-функциональный анализ, как один из элементов системного исследования.

Хронологические рамки работы охватывают XIX – начало XXI вв. XIX в. связаны с рассмотрением периода колонизации Кокандским ханством и Российской империей, когда клановая система выступила основной формой сохранения кыргызского народа. XX - XXI вв. связаны с новым осмыслением клановой системы кыргызского общества. Как требует методология исторической науки, хронологические рамки были определены в соответствии с качественными особенностями различных этапов, как по содержанию, так и по их значимости по мере эволюции традиционного общества кыргызов.

Цель данного исследования является выявление и исторический анализ основных факторов функционирования клановой системы и их влияние на политические процессы кыргызского общества в период XIX – XXI вв.

Задачи исследования:

- определить степень изученности проблемы;
- проанализировать основные теоретические подходы современной историографии в исследовании клановой системы исходя из современных концептуальных позиций;
- определить степень влияния и значимости традиционного устройства общества, традиций, культуры и менталитета для кыргызского народа, а также их отражение на важных политических событиях Кыргызстана;
- охарактеризовать исторические эпохи, в условиях которой формировалась клановая система;
- проанализировать попытки реформирования традиционного кыргызского общества Российской империи;
- рассмотреть административно-территориальную политику царизма, направленную на разрушение родового общества;
- исследовать реформы советской власти по слову традиционного уклада кыргызского общества;
- показать активизацию клановой системы в период суверенизации Кыргызстана.

Научная новизна полученных результатов. В диссертации сформулирована новая концепция характера и проблем клановой системы в политических процессах кыргызского общества в XIX – начале XXI вв. В этой связи выделены следующие научные результаты.

- Это первое специальное комплексное исследование истории и эволюции клановой системы в политических процессах в Кыргызстане в хронологических рамках XIX – начале XXI вв. В работе обобщен целый ряд научных направлений, теоретически обоснованы и практически апробированы междисциплинарные подходы к изучению клановой системы, основанные на критико-аналитическом, историко-сравнительном методах.
- Типологизированы модели клановой, родоплеменной системы, традиционного кочевого кыргызского общества. Определен уровень трансформации традиционных кланов в политико-семейные в постсоветский период.
- Выявлено, на основе архивных источников, что в периоды колонизации Кыргызстана (Кокандское ханство, царская Россия) попытки реформирования традиционной системы управления кыргызского общества не имели особого успеха благодаря устойчивости клановых и родовых отношений у кыргызов.
- Расширены представления о формировании национальной интеллигенции, политической элиты кыргызского общества в XX в., где на протяжении всего советского периода в политике управления национальными окраинами произошло совмещение партийной власти внешнего управления с традицией родового, племенного разделения кыргызского общества.
- На основании сопоставления различных концепций к понятию «клан» в современный период, в ходе политической модернизации, автор предложил, что новое видение стратификации современной клановой системы кыргызского общества, можно заключить как «политико-семейный», где характеризуется слиянием государственной власти с семейным, клановым правлением.
- Диссертантом, в контексте анализа научных взглядов на политические события суверенного Кыргызстана, в рамках процессов модернизации и демократизации государства, изучены и выявлены основные факторы политических событий 2005, 2010 гг., где установлено, что в современных условиях клановая идентичность и солидарность наиболее сильно проявляется в политических процессах кыргызского общества.
- Диссертантом даны рекомендации по коррекции государственной политики с учетом присутствия клановой системы в политических процессах кыргызского общества, которые заключаются в первую очередь в развитии наднациональной, гражданской идентичности, усовершенствованно понимание эффективности государственной политики.

Основные положения, выносимые на защиту.

- В период трансформации кыргызского общества, в результате его реформирования определение клана расширилось. Клан выступил, как

объединение людей с общей племенной, традиционной, культурной, региональной идентичностью, основанного на системе непосредственно личностных или опосредованных взаимоотношений, имеющие общую хозяйственную основу для функционирования. В клановую систему традиционного общества, характерные для современного периода, входят четкие социальные группы, внутренне объединенные набором неформальных норм и правил, основанные на взаимных интересах и обязательствах.

- В условиях глобализации, интеграции современных обществ, выделился термин «политический клан». Современный политический клан включает дружественные, родственные, этнические, земляческие или деловые, профессиональные, административные взаимоотношения. Его содержательную основу составила политическая, региональная, экономико-финансовая «элита».

- Главной причиной появления родовой принадлежности способствовала особенность экологической ниши, которая детерминировала способ адаптации человека к природно-климатическим условиям, в результате чего возникает особая специфическая система материального производства - кочевое скотоводство. Особенность кочевого скотоводства, его закрытость для проникновения оседло-земледельческих структур, в условиях отсутствия общей государственности, создало постоянную потребность в сохранении благополучия, самобытности, целостности и самостоятельности этнического образования.

- В период русской колонизации территории Кыргызстана середины XIX – начале XX вв. все реформы Царской России по слову родového общества оказались малопродуктивными: колониальная военно-административная система не смогла преобразовать традиционную кочевую кыргызскую общину. Русский царизм, используя социально-экономическое, сословно-правовое противопоставление различных групп населения, опирался на традиционные социальные институты местной власти, придавая им надгрупповое значение. В результате создались институты власти, базирующиеся на формировании элитарной прослойки общества, аристократической знати по сословно-классовым признакам: традиционная родоплеменная, клановая система кыргызов успешно приняла новации русского царизма. Однако, российско-имперские преобразования середины XIX – начала XX вв. менее трансформировали кыргызское традиционное общество, по сравнению с политикой Советов XX в.

- Советская власть, тоталитарная система и господствующая идеология стремилась вытеснить клановую систему. Все попытки Советского государства в 20-30-е гг. XX в. (при проведении кампании по насильственному переводу кочевников на оседлость, коллективизации, отрицания родоплеменной структуры общества, установления государственных форм собственности на средства производства, формирования колхозно-совхозных форм хозяйства) – закончились тем, что проводимые реформы не имели особого успеха благодаря устойчивости

клановых и родовых отношений у кыргызов. В рамках тоталитарного режима, родоплеменная принадлежность была загнана и частично проявлялась в завуалированной форме в кадровой политике.

- На протяжении всего советского периода на высших уровнях власти сложился тоталитарно-традиционный симбиоз, при котором негласно высшие государственные посты в определенный исторический период закреплялись за представителями клановых, родоплеменных элит. Система "двойных стандартов" способствовала сосредоточению власти у достаточно узкого круга национальной элиты. Таким образом сформировался по определению российских ученых новый номенклатурный клан – евронационалов.

- В годы независимости произошла фактическая реабилитация и легализация региональных, клановых элит. В суверенном Кыргызстане функции институтов политической самоидентификации стали выполнять институты клановой, родовой самоидентификации, что привело к возрождению архаических институтов средневековья, семейственности, коррупции. Региональная и клановая элита кыргызского общества, сохранив не только свою сущность и традиции получили возможность открыто влиять на процессы государственного строительства. Укреплению позиций клановости, трайбализма способствовали слабость государственного управления в условиях формирующейся демократии. В постсоветское время выдвигаются попытки возрождения архаичных институтов кочевого общества (2009 – 2010 гг.).

Личный вклад соискателя. Диссертационная работа вносит определенный вклад в разработку клановой проблематики в социально-политических процессах Кыргызстана.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлено необходимостью серьезного исследования клановых систем в политических процессах кыргызского общества. Сформулированные в диссертации положения могут стать прочным теоретическим фундаментом для принятия современной государственной и национальной политики, регулирования внутриэтнических, межрегиональных отношений. Полученные результаты, основные положения и выводы исследования могут быть задействованы при выработке государственных социальных программ направленных на преодоление клановости, трайбализма, коррупции, протекционизма.

Основные выводы, результаты диссертационного исследования могут быть полезны в исследованиях проблем модернизации традиционных обществ, послужить основой для анализа конкретных социальных явлений.

Теоретико-методологические принципы, выводы исследования могут быть использованы при создании обобщенных трудов по отечественной истории, учебных пособий, в преподавании специальных курсов на гуманитарных факультетах вузов Кыргызстана по истории, этнологии,

политологии, исторической психологии, социальной философии, геополитике, социальной антропологии.

Апробация результатов исследования. Диссертация была дважды обсуждена на объединенном заседании отделов «Истории Кыргызстана XX – начала XXI вв.» и «Истории Кыргызстана с древнейших времен до к. XIX вв.» Института истории и культурного наследия НАН КР и рекомендована к публичной защите. Материалы диссертационного исследования апробировались на научных областных и республиканских конференциях, «круглых столах»: «Мартовские события 2005 г. в Кыргызстане» (Вестник ИГУ. – Каракол, 2006), «Патриотизм как основа политической идеологии и культуры Кыргызстана» (Вестник КГНУ. – Бишкек, 2009). Также основные положения диссертации были апробированы в педагогической деятельности соискателя.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные положения и выводы исследования были изложены в монографии, а также в 28 научных публикациях в рецензируемых периодических изданиях, как в Кыргызстане, так и за рубежом.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, 10 параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Источниковедческую базу исследования соискатель разделил на пять групп.

В первую группу вошли источники древних и средних веков из китайских и арабско-персидских письменных источников до XVIII в. В качестве источников исследования были использованы сведения о политических событиях, военизированном общественном устройстве племен, родоплеменном составе кыргызов: «Шаджарат ал-атрак» («Родословная тюрок») XVI в., сочинения Сейф ад-Дина Ахсикенти (XV – XVI вв.), «Сиюй Чжи» («Описание Западного края») второй половины XVIII в., переведенные Н. Бичуриным. [37,114] Согласно представленным китайским и арабско-персидским письменным источникам до XVIII в. показана, что проблема традиционного кочевого общества кыргызов, преобразований традиционной структуры кыргызов, их родовой и этнической идентичности, в историографии кыргызов и Кыргызстана досоветского периода в целом достаточно изучена. В древних и средневековых источниках до XVIII в. скрупулезно представлены материалы о социальном, общественно-политическом устройстве племен, их хозяйственно-культурном типе культуры. В источниках большое внимание было уделено изучению происхождения наименований племен, области их географического расселения.

Вторую группу составили материалы из Центрального государственного архива политической документации Кыргызской Республики, в частности фонды Киробкома ВКП(б) (№10) и ЦК КП

Киргизии (№56). [1-14]. В ходе исследования были использованы архивные материалы Киргизского областного комитета ВКП(б), в которых даются обширные сведения о названии и области проживания кыргызских племен в период 20–30-х гг. XX в. Однако, данные сведения о генеалогии кыргызов рассматривались в целях борьбы и искоренения родовой принадлежности кыргызского народа. Существенную часть архивных материалов составили документы, направленные на борьбу с бай-манпством, родовыми правителями кыргызского общества.

Третья группа источников – сборники документов и архивных материалов. Сборники документов до XIX в. насыщены и широко представлены изложением генеалогии кыргызов. Известно, что китайские и русские источники зафиксировали тогда наличие у кыргызов родоплеменных групп: адигине, ават, азык, багыш, басыз, бостон, бугу, доолос, жедигер, кесек, кыпчак, кытай, конурат, кушчу, монолдор, мундуз, найман, сарыбагыш, саяк, солто, теит, черик, чонбагыш и др. Они объединялись в две территориальные конфедерации: онг канат (правое крыло) и сол канат (левое крыло), состав которых был неустойчивым.

Для анализа периода присоединения Кыргызстана к России были также использованы документальные сборники архивных материалов второй половины XIX в. [79,81-83] «Положение об управлении Туркестанским краем», «Степное положение об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской». Источники дают цельную картину о предпринятых реформах Российской империей по искоренению родовой принадлежности кыргызов. На основе источников, подчеркнуто, что в периоды колонизации Кыргызстана (Кокандское ханство, царская Россия) попытки реформирования традиционной системы управления кыргызского общества не имели особого успеха благодаря устойчивости клановых и родовых отношений у кыргызов.

Четвертая группа источников – статистические источники – данные Национального статистического комитета КР, демографические ежегодники, национальные переписи населения Кыргызской республики. В частности, они были использованы при освещении современных политических событий в Кыргызстане.[100,121,339]

Пятую группу источников исследования составили периодическая печать – газеты и журналы. [206-313] В особенности, при освещении проблем государственного и политического кризиса в Кыргызстане в период 2005, 2010 гг., одной из причин которых выступила клановая система, соискатель опирался на материалы периодических зарубежных журналов, такие как: «Центральная Азия и Кавказ», «Социологические исследования», «Вестник Евразии». Они содержали сведения, научные оценки специалистов в области исторических и политических наук. Большинство специалистов, оценивая политическую ситуацию в Кыргызстане в период 2005, 2010 г. пришли к заключению, что клановая система выступила одним из

побудителей социального, культурного и политического кризиса в Кыргызстане.

Историографию проблемы соискатель разделил на две группы.

Первую группу составила досоветская и советская историография. Здесь подробно проанализированы источники и труды востоковедов, историков, этнологов которые затрагивали вопросы социальной эволюции традиционного общества кочевников Евразии. Дается оценка научным трудам отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблемам родовой принадлежности кыргызов. Аналитическое изучение книг и статей, в которых освещаются вопросы родовой принадлежности кыргызов является существенным в теоретико-методологическом аспекте.

Труды российских востоковедов XVIII – XX вв., послужили теоретико-методологической основой диссертационного исследования. В данной группе источников представлены работы, которые в рамках исследования материальной и духовной культуры кыргызов, занимались исследованием традиционного кочевого общества кыргызов до XX вв., их родоплеменной структуры и менталитета, правовым нормам и обычаям, хозяйственно-культурному типу материальной культуры. Отдельно следует упомянуть, что в данных исследованиях большое внимание уделялось экономическим проблемам традиционного кыргызского общества, в частности вопросам наследственной собственности.

В трудах русских ученых и путешественников XVIII – XIX вв., где значительная часть опиралась на китайские источники древнейшего и средневекового периодов, арабские и персоязычные средневековые сочинения, древнекыргызскую письменность, были изучены внутренняя архитектура родоплеменного объединения кыргызов, этимологии кыргызских племен, родословная, хозяйственно-культурный тип кочевников, материальная и духовная культура, родовой быт коренного населения, социальные категории средневековых кочевых племен Евразии. Важной составной частью изучения традиционного общества кыргызов остается родоплеменная идентификация кыргызского народа, представляющую стройную упорядоченную систему генеалогического родства и иерархии.

Среди исследований, являющиеся библиографической ценностью в истории номадизма, следует отметить труды русских востоковедов XIX – XX вв. И. Бичурина, Н.И. Гродекова, Ч.Ч. Валиханова, В.В. Радлова, Н.А. Аристова, А.Н. Бернштама, В.В. Бартольда, А.П. Чулошникова, П.И. Кушнера, В.Ф. Шахматова, Ю. Виннюкова, С.М. Абрамзона, С.Е. Толыбекова, Г.Е. Маркова. [37, 49, 44, 45, 23, 36, 31-34, 144, 77, 145, 16, 128, 87].

Представленные авторы середины XX в. признают наличие социальной и культурной целостности кочевничества, которая основывалась на главной характеристике кочевого общества, особенностях хозяйственно-культурного типа – экстенсивное скотоводство. Единые с природой, в условиях сезонных перекочевков, кочевники сформировали свойственный им уклад жизни. На

фоне постоянной их мобильности к природным катаклизмам и изменениям, военным столкновениям, эволюции общества, это выглядело как способ необходимого выживания. Родоплеменные группы, их укрупнение, распад, ассимиляция другими племенами стали следствием и концептами культуры кочевого мира в целом.

На основе представленной источниковедческой базы XIX – XX вв., российской общественностью показано, что образ кыргызов, складывался как цельная этническая общность с четко структурированной социальной структурой. Родоплеменная принадлежность для кыргызов выступила важнейшей частью при формировании народа. Однако, собранные этнографические материалы конца XIX – начала XX вв. с точки зрения научно-исследовательской направленности носили поверхностный характер, ограниченное количественным накоплением эмпирического материала духовной и материальной культуры кочевников. Основная часть материалов освещала вопросы родоплеменного деления кыргызов, отдельные стороны социальных отношений, давала фрагментарные сведения о материальной культуре. В современных условиях представленные работы не могли служить прочной основой для серьезного научного изучения. Исследование проблем кочевого общества и кочевников было идеологизировано, рассматривали исключительно под ракурсом «родового общества». Такая точка зрения не имела серьезных противников в русской историографии вплоть до 30-х гг. XX в.

Одним из основных источников по освещению родоплеменной структуры кыргызского общества, на которое опиралось данное диссертационное исследование, послужил комплекс работ археолого-этнографической экспедиции 1953 – 1955 гг. Данная экспедиция занималась изучением социальной структуры кыргызов до революции 1917 г. Сбором этнографических материалов для экспедиции занимались такие ученые, как А.Н. Бернштам, В. Бартольд, Ю. Виннюков, С. Абрамзон. [16, 31-34, 36] Также надо отметить, что при изучении родословия кыргызов, несмотря на широкий круг источников по данной проблеме, диссертант опирался на исследования археолого-этнографической экспедиции 1953 – 1955 гг. Данное решение было принято, в связи с многочисленными вариантами генеалогии кыргызов представленная современными исследователями по данной тематике.

Отдельно необходимо выделить исследования кыргызских ученых первой половины XX в. Кыргызские исследователи занимались исследованием общественной организации кыргызов, социально-экономических реформ советской власти, деятельности кыргызской кочевой элиты XIX в. Среди них следует отметить следующих кыргызских ученых: Б.Д. Джамгерчинова, С.И. Ильясова, А.Х. Хасанова, К. Усенбаева, К. Нурбекова, И. Нуракова, Дж. Бактыгулова, В.М. Плоских. [186, 65, 141, 132, 133, 101, 197, 29, 109] При изучении социальной структуры кыргызского общества они опирались на вопросы, связанные с народными преданиями,

как генеалогическими, так и историческими. Отметим, что представленные труды кыргызских ученых первой половины XX в., рассматривающие социальную организацию кыргызов, в большей степени находились под идеологическим давлением коммунистической партии. Поэтому исследования советского периода на начальном этапе страдают односторонностью, акцентом на выявление классовой структуры кыргызского общества. Эмпирические труды концентрировали внимание, в основном, на проблемах этногенеза, исследовании общественного устройства кыргызов, выявлением областей расселения кыргызских племен, изучением материальной и духовной культуры, обычного права, религиозных взглядов населения. За редким исключением, крупные исследования кочевого общества кыргызов освещали и подчеркивали позитивную роль верховной власти кочевого общества в процессе консолидации кыргызских племен и родов. Историография советского периода, занимающаяся изучением традиционного общества кыргызов, длительный период находилась под идеологическим влиянием. Отечественным исследователям запрещалось изучать те вопросы истории Кыргызстана, которые могли бы подрвать устои и принципы существующего социализма. Кочевое общество, с позиции советской историографии, основанное на марксистских учениях «об азиатском способе производства», продолжало рассматриваться с позиции «классов, эксплуатации и классовой борьбы».

Большой вклад в изучение клановой системы внесли зарубежные и российские исследователи, специализирующиеся на вопросах формирования наций, этноменталитета, политической элиты, интеллигенции, номенклатуры советского периода. (Работы Х. Арендта, М. Джилиаса, М. Восленского, В.В. Бочарова, В.А. Тишкова, Дж. Комароффа, Л.М. Дробижевой, Д. Валеева). [212, 55, 46, 40, 125, 192, 189, 43] Среди представленных исследователей хотелось бы выделить труды российских исследователей Дж. Комароффа и Л.М. Дробижевой, которые ввели в научный оборот термин, характеризующий политическую номенклатуру советского периода как - евронационалы. [192,189,] Представленная концепция российских исследователей была взята за основу и использована для формулировки кыргызской политической элиты первой половины XX в.

Вторую группу составила постсоветская историография. Существенные изменения в историографии Кыргызстана произошли в постсоветский период. Исследования ученых постсоветского периода были диаметрально противоположны советскому мышлению. Большое влияние здесь оказали политические, социально-экономические, культурные процессы, связанные с этническими и национальными конфликтами, образованием суверенных государств, процессами глобализации и трансформации кочевых обществ. Поэтому в этот период было наиболее ощутимо влияние западных концепций. Научному разбору подверглись труды, исследующие вопросы кочевого общества, родоплеменного деления, а затем и клановой системы, путем разделения на две группы.

Российские исследователи, такие как, А.М. Хазанова, Н.Н. Крадина, Л.С. Васильева, А. В. Коротаева, С.И. Вайнштейна. [21,42, 249] в своих трудах основывались на западных принципах методологии, что позволило им выработать собственные альтернативные подходы к изучению вопросов кочевого общества.

Весьма обособленно от традиций советской школы, где кочевничество рассматривают как самостоятельный субъект исторического развития, особый путь развития цивилизации представлена казахской школой исследователей: Ж.Б. Абылхожин, Ж. Мурзалин, Н. Масанов, Н. Амрекулов, К. Нуров, В. Хлюпин, А. Кодар, И. Ерофеева, Т.Б. Умбеталиева, Н. Нурова, К. Тукешева. [18, 22, 97,98,102, 177, 234, 246, 289] Учения сторонников казахской школы номадистов повлияло на формирование цельной картины социокультурной общности кочевников у диссертанта.

Хотелось бы отметить, что весомый вклад в изучение кочевой цивилизации сделал казахский исследователь Н. Масанов. В своих исследованиях он привел объяснение и аргументацию социальной мобилизации и консолидации кочевого общества, предоставил алгоритм научно-исследовательской практики, методологию исследования кочевой цивилизации. Согласно его мнению, кочевой образ жизни, с его спецификой хозяйственно-культурного типа, явился способом адаптации человека к природно-климатическим условиям региона. Генеалогический счет родства (чаще всего патрилинейная филиация) представляет собой специфическую форму социальной организации, «несущую конструкцию» всего кочевого общества. Социальная организация представляла собой сложную систему разнообразных социальных объединений индивидов, возникающих на базе широкой общности экономических и в неэкономических интересов, всего спектра человеческих взаимоотношений. Отношения генеалогического родства играли чрезвычайно важную роль в позиционировании индивидов и регламентации их взаимоотношений в ситуационно возникающих обстоятельствах. Согласно его мнению, посредством социальной организации обеспечивались все социальные функции человеческого общества, а основу кочевого общества и генеалогического родства составляли экономические отношения.

Огромное влияние на диссертационное исследование повлияли труды зарубежных и российских исследователей Ч. Ламажаа, Ш. Кадырова, Ф. Толипова, П. Залецки. Данные исследования предоставили новое видение на клановую систему центральноазиатских обществ. Исследователями были изучены вопросы возобновленной архаики и традиционности, социальной организации, клановости в постсоветских обществах. [170, 191, 279,280,281,282,389,390] К примеру, в работе тувинской исследовательницы Ч. Ламажаа вводится в научный оборот «тувинский феномен архаизации общества в период социальных трансформаций». Ч. Ламажаа смело указывает на складывание семейного клана в политической власти страны в период правления первого Президента Тувы Ш.Д. Ооржак. [170, с.121-131.]

Члены «малой» и «большой» семьи первого лица, занимавшие ключевые государственные посты в республике, стали главными фигурантами властной пирамиды.[170] Польским исследователем П. Залецки сформулирована и обоснована новая концепция «политической культуры связей», характеризующая клановую систему в Центральноазиатских странах постсоветского периода.[389,390] Туркменский исследователь Ш.Кадыров и Ф. Толипов, на фактических материалах доказывают о наличии клановой системы в Центральной Азии современного периода. [191, 279,280,281,282]

Сравнительное изучение кочевых восточных цивилизаций в рамках национального суверенитета, международных отношений и геополитики присутствует у А. Тойнби, С. Хантингтона, Ш. Эйзенштадта, З. Бжезинского, Ф. Фукуямы [126, 139,140, 147, 39, 136].

В работе израильского исследователя Ш. Эйзенштадта, обоснованна концепция современных протестных выступлений и революционных преобразований, что дало диссертанту отразить его концепцию в научном исследовании. К примеру, существенное значение в анализе современных революционных выступлений Ш. Эйзенштадт придает рассмотрению роли традиций в обществе, считает что традиции придают специфику протестным движениям, которые в ряде случаев могут принимать характер революций [140]. Большое значение диссертант придавал работам Л. Февра, М. Блока Э. Эриксона, Г. Люббе, А. Я. Гуревича [134,148], на основании которых диссертанту позволило более глубоко изучить менталитет кочевых обществ и историческую идентичность народа. Зарубежные исследователи выработали важнейшие концепции политического развития и модернизации традиционных обществ, осмысления собственной идентичности и его кризиса.

В научных публикациях кыргызских ученых постсоветского периода Дж. Джунушалиева, В. Плоских, А. Мокеева, Т. Койчуева, Н. Кулматова, А. Ибраимова, А. Асанканова, Б. Караева, Ч. Исраиловой-Харьехузен, О. Каратаева, Ч. Турдалиевой акцентировалось внимание на изучении сущности и особенности родоплеменного деления кыргызов, номадической культуры в контексте традиционного кочевого общества. [59, 109, 72, 24,167, 66] На основе исторического материала авторы анализируют истоки, причины трайбализма, методы борьбы с ним, а также вероятные последствия их всплеска в суверенном Кыргызстане. Анализ работ современных кыргызских исследователей показал, что эти проблемы находятся в центре внимания историков, политологов, социологов, философов, этнологов, психологов и генетиков.

В исследовании вопросов трайбализма и клановости существенный вклад внесли вопросы формирования феодального сословия, политической элиты и интеллигенции Кыргызстана, переосмысления их роли в исторических событиях. Кыргызские исследователи З. Курманов, А. Джумагулов, Д. Сапаралиев позволили по-новому взглянуть на проблему изучения личностей в историческом процессе. [75,76,229, 115,116]

Вопросы родословия («санжыры»), что актуализировались с обретением суверенитета Кыргызстана, плодотворно изучались С. Аттокуровым, Т. Асановым. [25, 181,182,] Ученый С. Аттокуров, опираясь на исторические факты и документы, исследовал кыргызские родословные. Представленные в его работе таблицы родословий и генеалогий имеют определенную ценность при изучении крупных кыргызских племен. Исследования молодого ученого Т. Асанова представляют большой интерес для научного мира нач. XXI в., поскольку в них представлены новые подробности генеалогии кыргызов.

Сведения кыргызскими исследователями были взяты из трудов В.В. Радлова, Б. Солтоноева, А. Сыдыкова, Анвара Байтура. [120, 28] В кыргызской историографии долгое время их научные и научно-популярные публикации оставались большей частью недоступными для ученых Кыргызстана и республик Средней Азии. Данные издания, в совокупности, содержат значительный объем знаний по социально-экономической и политической истории народов Кыргызстана рассматриваемого времени.

В кыргызской историографии появились работы, которые переоценивали присоединение Кыргызстана к России, что привело к трансформации всего социального организма традиционного общества кыргызов, его экономического и политического строя во второй половине XIX – начале XX вв. В них освещаются внешнеполитические и международные отношения кыргызов во второй половине XVII в. – 70-х годах XIX вв., а также роль кыргызских феодалов в политической жизни Кокандского ханства. Среди работ, прямо и косвенно повлиявших на результаты данного исследования, особо следует выделить труды Г. Кронгардта, Т. Кененсариева, Е. Хелимского, которые также занимались изучением проблем, получивших отражение в нашей диссертационной работе. [68, 69, 70]. Работы исследователя Т. Кененсариева были посвящены проблеме «покорения» Кыргызстана Россией, обосновав «акт присоединения» кыргызов как «покорение». Исследователь Т.Кененсариев в своей монографии «Экономическая политика царского правительства в Кыргызстане во второй половине XIX – начало XX вв» значительно углубил исследования в период выбора политического курса развития Кыргызстана в середине XIX в.

Отметим, что задачи исследования постсоветского периода усложнились. Специфика исследуемой проблемы обусловила необходимость обращения к исследованиям в области гуманитарных дисциплин – политологии, социологии, философии. Разброс мнений и дискуссии по ряду актуальных вопросов требовали их осмысления, выработке методологических позиций.

Хотелось бы отдельно отметить исследования, проводимые в Кыргызстане Институтом стратегического исследования. Согласно их исследованиям, на современном периоде кыргызская социальная структура не имеет четкой выраженной направленности, не сформировались в консолидированные массовые классы, имеющие четко выраженные

групповые интересы. Данная тенденция развития кыргызского общества приводит к ее маргинализации, а также маргинализации элиты, отбрасыванию нормативно-правовых ценностей.

История традиционных кочевых обществ, на фоне процессов ее эволюции, трансформации и глобализации, стала изучаться в контексте проблем этнонациональной идентичности и менталитета народа, трайбализма и клановости. Изменения современного мира способствовали появлению новых исследований, где вновь актуализировались вопросы собственной идентичности и менталитета. Представленные работы предлагали альтернативные пути модернизации кочевого общества, в основе которых были заложены духовно-нравственные и этические принципы кочевых цивилизаций Востока. Раскрытию данных проблем были посвящены работы Ч. Чотоевой, А. Бейшембаевой, А. Джусупбекова, С. Кожемякина, Дж. Аширалиева, Х. Незихоглу. [60, 142,152, 168,173] Кыргызский философ А. Джусупбеков внес существенный вклад в отечественную историографию, выделив основные уровни этнической идентичности номадов.

Значительное влияние на исследования кыргызских ученых постсоветского периода оказали классические труды западных и русских ученых.

Характеризуя постсоветские исследования проблем кочевого традиционного общества, родоплеменной идентичности, клановых отношений необходимо выделить, что все полученные результаты социологических, психологических, этнологических, политических исследований, опираются на признанные западные методологии. Основной массив работ постсоветского периода, посвященных клановой системе, складывается из работ различных гуманитарных дисциплин. Искомая тема исследования изучается отечественными учеными в ракурсе трансформации кочевых цивилизаций Востока. На наш взгляд, тема исследования кочевого общества в постсоветский период изменил предыдущую биполярность изучения, акцентировав ее на центральноазиатский регион.

На основе вышесказанного можно заключить, что перед учеными и обществоведами стоит задача изучения клановой системы в политических процессах кыргызского общества, ее тщательного, объективного анализа и переосмысления. Параграф «Кланы как объект исследования» предоставляет решение поставленных задач, поставленные диссертантом.

Несмотря на широкий резонанс, вопрос изучения клановой системы в политических процессах кыргызского общества до настоящего времени не получил целостного системного исследования.

В научной литературе имеются многочисленные определения клана. Одновременно, методология изучения темы исследования усложнялась с употреблением близких по смыслу терминов: с исторической точки зрения «родовая община», «трайбализм», «непотизм», «кумовство», «азиатский способ производства», «номенклатура» советского периода; с политическими определениями «элита», потестонарно-клиентельские отношения; с

философским понятием «идентичность», социологическим «социальная структура общества» и т.д. «трайбализм», «идентичность», «менталитет», «линидж».

Согласно представленным терминологиям, взятые из научной энциклопедической литературы, в переводе с галльского «clann» в узком значении, означает «семья», а в более широком смысле – дети, отпрыск, потомство. Первоначально, как наименование «рода» (реже «племя»), получило большое распространение у носителей кельтской культуры и языков: ирландцев, шотландцев, валлийцев (уэльсцев). В период разложения родовых отношений данный термин стал означать группу близких родственников, происходящие от одного предка-родоначальника. К имени добавляется приставка «мас» (сын) у шотландцев и «о» (внук) у ирландцев.

Значительное влияние на интерпретирование клана оказал американский этнограф Л. Морган, который обозначал данный термин, как родственное объединение, восходящее свое происхождение к мужскому предку (патрилинейная группа). Идея Л. Моргана легла в основу одного из базовых марксистских трудов Ф. Энгельса.

Научный интерес для исследователя вызвал определения «клана» в постсоветский период зарубежными, российскими исследователями, такими как: Э. Гидденс, Ж. Тощенко, Л. Васильев, Ш. Кадыров. С. Горак, О. Крыштановская, О. Гаман-Голутвина, Ч. Ламажаа, П. Залецки. Классическое определение клана расширилось, не ограничивается кровнородственной группой, принадлежащая к общему предку. Речь идет о современных кланах, где частично расширились взаимоотношения, а вместе с тем и взаимобязанности индивидов внутри клановых систем. Клан формируются на принципах родства, землячества, замкнутого ближайшего окружения, допускаются профессиональные интересы. В клановые сообщества можно отнести людей с общей племенной, традиционной, культурной, региональной идентичностью, а также взаимных интересов, обязательств. Данный вывод присутствует у представленных исследователей, осознавшие необходимость рассмотрения клановой системы как составной части социальной эволюции современного общества.

В условиях глобализации, интеграции современных обществ, выделился термин «политический клан», где его содержательную основу составила политическая, региональная, экономико-финансовая «элита». Современный политический клан включает дружественные, родственные, этнические, земляческие или деловые, профессиональные, административные взаимоотношения.

Чешский ученый С. Горак, предложил четыре типа клановых структур: семейный или политико-семейный, региональный, партийный, экономическо-социальный. Наиболее подходящий тип клановых структур для Кыргызстана С. Горак отметил политико-семейный.[321]

Польский исследователь П. Залецки рассматривает существующие кланы в Центральной Азии как «политическая культура связей»,

подчеркивающие уникальность и феномен корпоративной сплоченности индивидов для решения статусных взаимоотношений в политических процессах, на основе клиентелизма и кумовства. [389,390]

Схематически можно представить, что в основе клановых взаимоотношений выступает семья, группа наиболее влиятельных и сильных племен, имеющие большой вес в местной и субрегиональной политике. В политическом клане здесь выступает политическая элита, бизнес-элита приближенная к тесно связаны со своими племенами и кланами. Для любого, кто стремится занять политический пост, наличие или отсутствие поддержки клана и родственников равносильно успеху или неудаче. Представители того или иного клана, занимающие важные позиции в местной или региональной власти, используют свой статус, чтобы повысить роль и влияние своей родственной группы. Местничество наглядно проявляется в том, что все финансово рентабельные должности заняты близкими родственниками, а денежные – сосредотачиваются в руках доверенных приближенных элите. Соответственно неудачи и поражения последнего оказываются губительными для положения его или ее клановой группы в общем «микробалансе сил». Клановая элита использует родственные связи для достижения своих целей в политической или экономической системе, рядовые члены нуждаются в ее помощи, чтобы получить работу, доступ к образованию – поэтому, вне клана трудно выжить.

Отношения членов политического клана с его лидером (как правило, политиком или чиновником высокого ранга) строятся на абсолютной персональной лояльности патрону и, в соответствии с традиционными нормами, на взаимном обмене услугами. Лидер вправе рассчитывать на максимальное использование его клиентами имеющихся у них связей и возможностей для укрепления положения патрона во властных структурах. Патрон, в свою очередь, обеспечивает своим сторонникам возможности карьерного продвижения (политические, административные и профессиональные назначения), доступ к источникам материальных и социальных благ (социальные привилегии, жилье, деньги, престижное образование, поездки за рубеж, а в новейшее время – также гарантированные кредиты, лицензии, государственные контракты, освобождение от налогов, гарантии личной безопасности и «прикрытие» законных и незаконных видов деятельности). В итоге, образуются широкие «патронажно-клиентельные сети», которые превращают политические кланы в значительно развернутые структуры регионально-трайбалистского типа и придают им стабильность. Ядром этих структур становятся отмеченные выше этнорегиональные группировки элит, связанные общностью происхождения и имеющие в своих областях полную монополию на власть. Неформальные политические структуры включены в более широкие межклановые объединения (макрокланы), к примеру, Север и Юг Кыргызстана.

В постсоветский период классическая формулировка «клана» не соответствует изначально выдвинутым исследователями кочевого общества.

Как мы видим, клановая структура современного общества – это четкие социальные группы, внутренне объединенные набором неформальных норм и правил. Трагическим примером сращивания клана с государственной властью послужили революционные события в 2005 г., 2010 г. в Кыргызстане. Поэтому, в результате исследования, можно выделить, что современный клан – это объединение, основанного на системе непосредственно личностных или опосредованных взаимоотношений, имеющие общую хозяйственную основу для функционирования.

В четвертом параграфе «Кочевое общество и система родоплеменного деления кыргызов» подчеркивается роль номадизма в масштабе мирового прогресса.

В параграфе отмечается роль кочевой цивилизации в развитии человечества, достижении мирового прогресса. В особенности, это ярко отражено на примере крупных центральноазиатских странах, таких как Китай, Южная Корея, Япония. В исследовании подчеркивается, что в основе современного успешного развития представленных стран большую роль сыграло сохранение традиционного общества, специфической культуры номадов. Немаловажную роль здесь сыграло высокая степень идентичности личности с обществом, социальная организация, гибкость и мобильность к новшествам других цивилизаций. Специфичность ее проявилась в духовной близости, восприимчивости и материальной привязанности кочевников к природе. Корпоративное мышление способствовало сохранению кочевой цивилизации, культуры, традиций и обычаев на протяжении веков.

В данном параграфе упоминаются исторические сведения о первых кочевниках, которые мы находим в текстах шумерийских таблиц, египетских, эламитских, урартийских, персидских источниках первого века нашей эры. Согласно историческим сведениям, главными причинами возникновения кочевничества, выделяются следующие: во-первых, крупное разделение труда. Согласно сведениям исследователей кочевой культуры, результатом адаптации кочевников к окружающему миру выступило экстенсивное скотоводство, которое с течением времени только совершенствовалось. Во-вторых, появление кочевого типа хозяйства был обусловлен природно-ландшафтными и экологическими изменениями в среде обитания. Постепенное и естественное сокращение области передвижения кочевых племен привело к оформлению первичной формы родового землепользования – пастбищ. В-третьих, согласно мнению В. Шахматова, Г. Маркова, С. Вайнштейна, переход на кочевой тип хозяйства был обусловлен перенаселением и вынужденной миграцией племен.

Большое значение диссертант уделил изучению и осмыслению вопросов прогрессивности представленных видов культур – номадической (кочевой) и земледельческой (оседлой). На наш взгляд, изучение специфики двух противоположных культур, их прогрессивность в развитии социума играет определяющую роль. Социальная эволюция кочевничества, ее

прогрессивность рассматривается в рамках изучения различных теорий и выводов ученых-номадистов.

Согласно изученным источникам, для кочевого общества, в отличие от земледельческого, было присуще удовлетворение биологических и социальных потребностей. Исследования, которые повлияли на мнение диссертанта, были представлены в трудах В. Бартольда, Н. Тойнби, Л. Гумилева, Н. Масанова, А. Хазанова, Н. Крадина, Ю. Подкуйко. Представители советского периода, такие исследователи, как В. Шахматов, Г. Марков, С. Толыбеков выступают сторонниками экономических потребностей оседлой культуры. В итоге, диссертант, в своих выводах склонен к тому, что вопрос о прогрессивности кочевых и земледельческих видов культур, следует рассматривать с точки зрения выработанных адаптивных потребностей индивида того или иного общества, при этом не нарушая целостность природы и ее экологии. Поэтому, выработка потребностей кочевников проходило в рамках их выживания, а затем адаптации в условиях природно-климатических, географических изменений.

Изучая номадическую культуру в целом, ее прогрессивность, диссертант не мог не затронуть важные аспекты любого кочевого общества, как специфический тип материального производства – экстенсивное скотоводство, а также родоплеменную дифференциацию.

Экстенсивное скотоводство - являлся доминирующей экономической деятельностью родовой общины кочевого общества. Правовым регулированием социального проживания общинников выступала родовая собственность на скот и пастбища (наличие родовой тамги). Со временем, постепенно, из знака общественной собственности, тамга переросла в знак, которым отличали уже личную собственность.

Экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевок привело к формированию уклада жизни относительно самодостаточных родоплеменных групп. Принципы родовой структуры кыргызского общества сложились до возникновения институтов государства. Согласно мнению ученых принципы родового общества начали складываться в период первобытно-общинного строя, в частности в период патриархата. Такого рода государственные образования среди кочевников функционировали, начиная с момента генезиса номадизма и вплоть до сер II тыс. н.э.

Объективный ход исторических процессов, социально-экономическое развитие и генезис общества позволяет сделать выводы, что главная причина появления родовой идентичности способствовали следующие обстоятельства:

1. Постоянную потребность в сохранении благополучия, самобытности, целостности и самостоятельности этнического образования.
2. Порядок передачи знаний и собственности обеспечил преобладание генеалогической системы родства и генеалогической организации в общей системе социального агрегирования кочевых сообществ. Родовая

дифференциация общества была порождена особенностями передачи информации и собственности в кочевой среде.

3. Естественно-географические и природно-климатические условия проживания племен. Это привело к выработке определенного способа производства, образа жизни.

В результате естественной интеграции кочевого общества возникли такие крупные территориальные конфедерации - крылья (союз племен), послужившие важной ступенью общественного устройства. Таким образом, к XV в. уже была сформирована дуальная этнополитическая организация он канат и сол канат, оказавшая существенное влияние на дальнейшее социально-политическое развитие кыргызов. Дуальная система кочевников стала наиболее оптимальной организацией для регулирования территории и населения. Название родов и племен, дуальная система кыргызского общества следует понять исключительно в категории геополитического фактора. При этом высокая устойчивость генеалогического принципа не вызывало сомнений. Для каждой зоны была характерна своя специфика культурно-исторического процесса.

Следует отметить, что до XV в. государственные структуры возникали в среде кочевых народов, главным образом с целью организации внешней экспансии, тогда как в новое время государственные структуры кочевников возникали обычно в маргинальных зонах на стыке кочевого и оседло-земледельческих миров с целью урегулирования отношений. В мирное время роль государственных образований была сведена до минимума и не играла существенной роли в жизни социума. Именно поэтому государственные структуры кыргызов носили аморфный характер. В этой связи, военные традиции осуществляли максимальную централизацию кыргызов, кочевой же образ жизни, в свою очередь требовал их сегментации. В масштабе народа, кыргызский трайбализм отличает внутриплеменная, чаще внутривидовая объединительная способность. Однако, если оценивать в целом, эта способность становится уже с противоположным знаком, если узкоплеменные, родовые интересы и потребности не совпадают с общенародным и общенациональным.

В целом, в четвертом параграфе «**Кочевое общество кыргызов и система родоплеменного деления кыргызов**» были сделаны следующие **выводы**, что одним из определяющих факторов развития кочевого общества явилось в первую очередь – давление окружающей внешней среды: природно-климатическими, географическими условиями. Кочевая культура номадов была максимально приспособлена к природным условиям. Исходя из этого, номады вели кочевой образ жизни в определенных конкретно-исторических, пространственно-временных рамках. Именно кочевой образ жизни явился важнейшим фактором, выделяющим эту группу народов среди других типов цивилизации. Родоплеменная структуризация кыргызского общества во многом была также обусловлена влиянием внешней среды. Она способствовала мобилизации людей для решения социально-экономических,

политических и культурных задач, тем самым защищалась от вредных воздействий этой среды, совершенствуя себя и свои возможности сопротивления. Экстремальные условия жизни природного и социального характера выработали коллективные формы выживания, почитание коллективистских традиций и обычаев, родоплеменную солидарность. Система родоплеменного деления кочевников явилась продуктом кочевой цивилизации. Искусственное вмешательство в развитие внутренней структуры общества позволило сохраниться наиболее устойчивым элементам, присущим родоплеменному социуму.

Кочевое хозяйство кочевников было максимально адаптировано к природным условиям, поэтому и объясняется своей консервированностью и продолжительным существованием. Наличие относительно разумного баланса природопользовательских и природосберегающих аспектов деятельности позволяло им избегать глубоких конфликтов с природой. В отличие от земледельческих, традиционное хозяйство кочевников было ориентировано на удовлетворение биологических и социальных потребностей, и в преломлении этой цели оно представлялось достаточно прогрессивным и рациональным.

Во второй главе «Реформирование традиционного кыргызского общества в XIX – XX вв.» доказывается, что несмотря на проводимые перестройки кочевого общества методами в угоду своим политическим и социально-экономическим интересам, реформирования не затронули основное стрелковое устройство кочевников.

В пятом параграфе «Российская политика в Кыргызстане середины XIX – начале XX вв. Административно-территориальные реформы» анализируется процесс реформирования кыргызского традиционного общества в условиях русской колонизации втор. пол. XIX в. – нач. XX в. На взгляд диссертанта, реформирование кыргызского традиционного общества царской властью, проходило двумя путями: 1) проведение административно-территориальной реформы втор. пол. XIX в. через образование Туркестанского генерал-губернаторства (2 июля 1867 г.); 2) насильственное оседание кочевого населения через экономические (земельные) реформы русского царизма.

В период русской колонизации Кыргызстана, взамен традиционной системы племенной организации кочевого общества кыргызов была создана территориально-государственная административная система. Закон 1867 года выработал единую для всего населения региона систему государственно-административного господства российского самодержавия. Территория Кыргызстана была раздроблена между отдельными областями Туркестанского края. Данное мероприятие царской России было направлено на: 1) ослабление клановой, родоплеменной системы кочевого традиционного кыргызского общества, как внутреннего стержня на региональный; 2) на усиление внешнего и внутреннего контроля, а затем манипулирования социальной структурой кыргызского социума; 3) с точки

зрения диссертанта, экономические потребности метрополии должны быть удовлетворены через централизованную налаженную сеть поступления налогов, на что и потребовалось административно-территориальное разделение территории проживания коренного населения. Однако, в итоге, как показали источники, после непродолжительно сопротивления Царской власти традиционным устоям кочевого населения, клановой, родоплеменной идентичности кыргызов, основными адептами и проводниками царских реформ, как и в период Кокандской власти, выступила местная племенная и родовая знать кочевников. В итоге, структура кыргызского общества, а вместе с ней и клановая, родоплеменная идентичность вновь актуализируется. Русский царизм, используя социально-экономическое, сословно-правовое противопоставление различных групп населения, опирался на традиционные социальные институты местной власти, придавая им надгрупповое значение. В результате создались институты власти, базирующиеся на формировании элитарной прослойки общества, аристократической знати по сословно-классовым признакам.

Таким образом, административно-территориальная реформа царской России способствовала дальнейшему сохранению и укреплению самобытности кочевого народа. Несмотря на попытки царской России сломать устои традиционного общества, через административную реформу XIX в., замену родоплеменного деления кыргызов региональным, изменение хозяйственно-культурной деятельности кочевников, ей не удалось полностью их осуществить. Реформирование традиционной системы управления, клановой системы кыргызского общества в дореволюционный период оказалось малопродуктивным. Этому способствовали следующие факторы.

1. В области социально-экономического развития. Традиционная родоплеменная организация кыргызов довольно успешно адаптировала новации, нововведения метрополий. В силу аграрного типа жизнедеятельности подавляющего большинства кыргызов вплоть до середины XX в., родоплеменная организация наглядно продемонстрировала свою исключительную устойчивость и способность к самовоспроизведению в течение последующих нескольких десятилетий. Политика царского правительства в земельном вопросе была направлена на сохранение прежних форм общины и общинного землепользования, затрудняя образование частной собственности на землю у кочевников. Это тормозило проникновение капитализма в сельское хозяйство, консервировало патриархально-феодалные отношения в аиле.

2. В социальной области. Российской империей в центральноазиатских землях было введено косвенное управление, не затрагивающее социальной структуры общества. Продолжительность и устойчивость клановой политической традиции и присущей политической культуре – системы ценностных ориентаций и психологических установок, обеспечивалась самим кочевым способом производства кыргызов. Способ материального производства не подвергся ошутимому вмешательству со стороны царских

властей и постоянно воспроизводил общинные, групповые формы жизнедеятельности аграрного населения, выступавшего носителем групповых воззрений и идеалов. Попытки царского правительства посредством многоступенчатой управленческой вертикали достичь каждого индивида и осуществить органичное включение кочевников в социальный организм оседлого населения Российской империи не увенчались ощутимыми успехами, т.к. они по-прежнему ассоциировали себя с той или иной родоплеменной группой. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, можно объяснить слабую восприимчивость основной массы кыргызского населения демократических идей и модернистской антиколониальной платформы преобразования кочевого общества, выдвигавшихся на рубеже XIX-XX вв. национально-либеральной интеллигенцией. Кыргызы-кочевники в подавляющем своем большинстве остались вне активной сознательной политической деятельности, сохранив приверженность к традиционным родоплеменным ценностям и интересам. В колониальных политических системах верхние уровни управленческой иерархии функционировали преимущественно в соответствии с политической культурой метрополии, нижние – оставались носителями традиционной политической культуры. Фактически произошло сращивание вертикали и горизонтали власти. В результате были созданы институты власти, базирующиеся на формировании элитарной прослойки общества, аристократической знати по сословно-классовым признакам. Таким образом, произошло сращивание традиционной кочевой и российской (колониальной) систем управления. Колониализм в своей управленческой деятельности ориентировался на использование верхних эшелонов традиционных управленческих структур (надобщинных), в то время как община, основной носитель традиционной политической культуры, продолжала функционировать в соответствии с характерными для нее принципами. Колониализм не стремился преобразовывать общину, вполне удовлетворяясь эксплуатацией ее как целостного организма. В целом, русская колонизация территории Кыргызстана середины XIX – начале XX вв. трансформировало кочевое общество гораздо меньше, по сравнению с политикой Советов XX в. Внутренние местные условия создали благоприятную почву для колонизации Российской империей. Родоплеменная организация кыргызов, клановость, коллективное сознание наглядно продемонстрировали свою исключительную устойчивость и способность к самовоспроизведению в течении последующих нескольких десятилетий.

В шестом параграфе «Политика советской власти по модернизации традиционного уклада жизни кыргызского общества» продолжается рассматриваться вопрос адаптации кочевого традиционного общества кыргызов в условиях советской системы. Тоталитарная система и господствующая идеология большевиков также стремилась оттеснить на второй план клановую лояльность кочевников. Как свидетельствует исторический опыт Кыргызстана, все попытки Советского государства в 20-

30-е гг. XX в. распространить властные функции на каждого индивида не увенчались успехом, поскольку он по-прежнему ассоциировал себя с той или иной родоплеменной, клановой группой.

Мероприятия советской власти, направленные на слом клановой, родовой, племенной идентичности кочевников проявились, прежде всего, через: 1) социально-классовую борьбу большевиков с верхними социальными слоями кочевых обществ – баев, манапов; 2) социально-экономические реформы, направленные на насильственный перевод кочевников на оседлость, на создание государственных форм собственности на скот и землю, на средства производства; 3) формирования колхозно-совхозных форм хозяйства.

1. Согласно первому вышеуказанному мероприятию советской власти, наиболее четко границы конфликта выразились во внутривнутриполитической борьбе 20-30-х гг. XX в. В данном процессе была уничтожена одна из значимых прослоек кыргызского традиционного общества – институт баев и манапов. Причины уничтожения байства и манапства, были следующие: 1) в советском обществе должна быть только одна вертикаль власти – партийно-государственная иерархия. Тоталитарное государство претендовало на всеобщность и исключительность. Деятельность любых, независимых от контроля партийной номенклатуры объединений, пресекалась. 2) учитывая менталитет народа, традиции и обычаи, советская власть ликвидируя верхнюю прослойку кыргызского традиционного общества, могла свободно манипулировать им, приобщить новые устои, образ жизни, традиции и обычаи; 3) одним из главным лейтмотивом советских реформ было искоренение собственной идентичности кочевника, замена другой идентичностью «классовой общности людей».

Однако в ходе ликвидации бай-манапства и кулачества в Кыргызстане, мероприятия советской власти потерпели некоторые изменения. Во-первых, обострилась внутривнутрипартийная классовая борьба, которая в итоге вылилась в родоплеменную борьбу. Особенно ярко родовая борьба проявлялась в периоды политических выборов глав местных политических организаций, кадровых перестановок, распределении финансовых и материальных благ. Во-вторых, наличие родовых авторитетов в сельских местностях, а затем в рядах партии, способствовало использованию советской властью новых порядков - в классовых, родовых и личных интересах, советская власть стала использовать авторитет местных родовых вождей для проведения советских мероприятий. В, итоге, советская власть создала все условия и удобства для сохранения родоплеменной иерархии. Именно совмещение традиционной и партийной деятельности в лице представителя родовых и племенных объединений стало причиной слабости формальных советских институтов власти.

2. Социально-экономические мероприятия советской власти 20-30-х гг. XX в., в особенности, проведение земельно-водных реформ и коллективизации, также способствовали слому клановой, родовой

идентичности кочевника. В процессе проведения земельно-водных реформ, во-первых, нарушая привычный кочевой уклад хозяйства, советская власть насильственно стала заставлять кочевников вести оседлый образ жизни. «Насильственная коллективизация» деревень и айлов радикально изменили и трансформировали хозяйственно-культурный тип деятельности кочевого населения, привели к надлому огромного множества человеческих судеб.

Согласно исследованию Д. Бактыгулова, «род» являлся «идеальной» базой для организации кооперативов, и без опоры на «родовую организацию» всякие попытки кооперативного строительства были обречены на неудачу. Поэтому предполагалось использовать некоторые традиции и элементы «родового» быта, основы родовых отношений в айлах на поддержание кооперации. [30]

3.В процессе коллективизации сельского хозяйства были созданы колхозы по родовому принципу, просуществовавшие в таком виде почти до крушения колхозной системы в XX в. Данные колхозы фактически повторяли родовую структуру общества. Организованная борьба большевиков против «родовых колхозов», как и против «родовых сел», не достигла своей цели. Кыргызские колхозы создавались по родовому принципу и таковыми оставались до хрущевского укрупнения колхозов.

Проводя оседание кочевников и коллективизацию, советское руководство, во-первых, добивалось полного обобществления средств производства и ликвидации частной собственности. Во-вторых, стремилось разрушить любые естественно возникшие в недрах кыргызского общества горизонтальные социальные связи. В кыргызских селах доминирующим типом социальных связей выступали общинные отношения, родовое деление, где значительная часть населения отождествляла себя как совершенно особые самоуправляемые образования. Включенные в них индивиды по генеалогическому родству исходили из примата сложившейся структуры интересов, а потому оставались вне авторитарных устремлений государственной власти. Как было изложено выше, в силу данного обстоятельства, связи такого типа не вписывались в формировавшуюся административную систему, а потому нужно было разрушить традиционную структуру кочевого общества. Итогом преобразований на селе и в айлах стала замена традиционно-личностных структур с их горизонтальными связями – структурами, с вертикальными связями, т.е. зависимость личности от корпоративно-общинных связей заменялась такой же зависимостью от тоталитарной, государственной власти. Как представлено выше, решение данной задачи стали политика оседания и коллективизации.

Коренная ломка традиционных представлений о власти в 30-х гг. XX в. при проведении кампании по насильственному переводу кочевников на оседлость, коллективизации, ликвидации частной собственности на скот, общинной собственности на землю, предания анафеме родоплеменной структуры общества, установления государственных форм собственности на средства производства, формирования колхозно-совхозных форм хозяйства -

закончились безрезультатно, поскольку традиционная, клановая организация успешно адаптировала все новации. Вследствие этого, в 20 - 30-е гг. XX в., «кочевой менталитет» совершенно естественно пережил любые советские реформы государственных структур, так как они были нежизнеспособны и носили неэффективный характер. В рамках тоталитарного режима, клановая, родоплеменная организация получила новые импульсы в своем развитии и стала важнейшим атрибутом государственной системы управления в Кыргызстане. Кыргызское общество сохраняя традиционную культуру, показало высокую степень выживаемости и адаптивный потенциал.

В советский период – родоплеменному сознанию и структуре был поставлен заслон в силу мощной идеологии, актуализирующей формирование новой общности – советского народа, соответственно, все родоплеменные характеристики культурного самоопределения подверглись уничтожению как негативные проявления ментального характера. Процесс консолидации кыргызов с родового уровня перешел на национальный (т.е. более высокий), тем самым остро встала проблема национального самосознания.

Подводя итоги, следует отметить, что основным этапом трансформации клановых отношений у кыргызов стал советский период. Во-первых, произошло национальное размежевание в Средней Азии, возникли первые формы новой кыргызской государственности в виде автономной области и республики, а затем и союзной республики. Хотя эти формы государственности кыргызского этноса носили крайне ограниченный характер, полностью находились под контролем Москвы, они заложили основы более ускоренного, этнического развития кыргызов из народности в нацию. Во-первых, тоталитарная система и господствующая идеология стремилась искоренить клановую принадлежность. В тоталитарном обществе, как и во всяком обществе, основанном на принципе групповых противопоставлений, занятие престижных должностей, в том числе в государственных органах, осуществлялось посредством личных связей. Конечно, мы также не исключаем, что кадровые пертурбации определялись не одной только генеалогией, многое зависело от конкретных качеств человека, его организационных способностей, личных связей, родства, дружбы и т.п.

Проведение непродуманной государственной политики в целях перевода кочевого кыргызского населения на оседлый образ жизни, привело к массовому уничтожению мирных кочевников. Повсеместная коллективизация способствовала массовой и неестественной оседлости кочевого кыргызского населения. Тем не менее, в результате силового перевода их на оседлость в 20-30-х гг. XX в. все попытки реформирования села в этот период, в частности земельно-водная реформа, передел земельных угодий, конфискация скота, закончились тем, что традиционная родоплеменная организация сохранилась. Правящая верхушка фактически сумела использовать этот социальный институт для «эффективного»

управления своими сородичами. Некоторые родоплеменные группы сумели укрепить свою власть и развить свою управленческую инфраструктуру. Советская власть приспособилась к национальным особенностям местного общества. Одновременно это дало возможность кыргызам приспособиться и выжить в новых условиях существования, что и определило его дальнейшую трансформацию.

Искоренение верхней социальной верхушки кыргызского кочевого общества советской властью в более жесткой форме проходило в партийных организациях. Сопровождалась выдвижением политических лидеров, которые впоследствии составили кыргызскую национальную элиту 20-30-х гг. XX в.

В седьмом параграфе «Номенклатурный клан советского общества (1950-1990 гг.)» на примере конкретных примеров, показывается, что в советский период внешнее управление Кыргызстаном продолжало использовать и опираться на систему традиционного управления кыргызского общества – клановую.

На протяжении всего советского периода в процессе становления кыргызской государственности, на высших уровнях власти сложился тоталитарно-традиционный симбиоз, при котором негласно высшие государственные посты закреплялись за представителями определенных клановых, родоплеменных элит. Данная политика управления метрополий всецело продолжала сложившуюся систему управления кыргызского традиционного общества. При этом тенденция управления метрополией окраинами представляла из себя определенную специфику: до военного времени (в 50-х гг. XX в.) управление окраинами, согласно советской политике возглавлял представитель центра (Москвы), на вторых местах управленческой машины находился представитель местной партийной организации. Данная специфика соотношения представителей метрополии и местной власти изменилась в обратную сторону в послевоенное время. Данная специфика представительства во власти метрополии и местного населения прекратилась после провозглашения независимости республики.

В результате исследования, также можно сделать выводы, что система "двойных стандартов" способствовала сосредоточению власти у достаточно узкого круга национальной элиты. В данном случае речь идет о противоборстве за власть представителей столичной элиты и региональной. Метрополии, согласно представленному исследованию предпочтение и поддержку отдавало представителю региональной элиты. Усиление столичной элиты приводило к усилению борьбы за власть.

Отдельного внимания заслуживает освещение вопросов формирования советской политической элиты советского периода, нового номенклатурного кланы – евронационалов. Внешним, и внутренним условием карьерного роста номенклатурной элиты было расширение прав этнорегиональных элит. Сильно была развита традиция харизматизации лидера. Евронационал обладал способностями сохранять тесную связь с народом, пользовался его

доверием. Внешним и внутренним условием его карьерного роста была его убежденность в эволюционной концепции развития государственности, предполагавшей расширение прав этнорегиональных элит. Авторитет каждого из них распространялся, прежде всего, на регион его этничности, земляческой принадлежности.

Таким образом, можно отметить, что в советский период на высших уровнях власти сложился тоталитарно-традиционный симбиоз, при котором негласно высшие государственные посты закреплялись за представителями определенных этно-региональных или родо-племенных элит. Совмещение партийной власти внешнего управления с традицией племенного гегемонизма было одним из результатов советского правления, последствия которого ощущаются и сегодня. Данная модель общественного устройства в действительности представляет собой автократический образ управления с выраженной иерархической вертикалью власти.

Система "двойных стандартов" существовала негласно, на уровне устной передачи информации. Данная система способствовала сосредоточению власти у достаточно узкого круга национальной элиты – евронационалов. Большинство же простых людей ощущало себя частицей коллектива соплеменников, земляков, не осознавая в полной мере свое правовое положение как индивидуумов. Они ассоциировали свою безопасность и свои права с безопасностью и правами их клана или общины, именно поэтому всячески способствовали продвижению своей социальной группы. Однако, на противопоставлении внешнего компонента в Кыргызстане были созданы условия для этнорегиональной сплоченности.

В третьей главе «Традиционное кыргызское общество в современных условиях» освещаются проявления клановой системы кыргызского общества в современный период. На основании исследования диссертантом доказывается, что период суверенитета Кыргызстана, а также с демократизацией, мировыми процессами глобализации и модернизации, клановые отношения в кыргызском обществе вновь актуализировались, более того, стали внедряться и сращиваться с политической системой. В результате итогом данного симбиоза послужили политические кризисы государства, революционные протестные выступления масс в 2005 г., 2010 г.

В восьмом параграфе данной главы «Формирование политикосемейного клана в суверенном Кыргызстане» большое внимание уделяется 1) выявлению причин актуализации клановых отношений в кыргызском обществе; 2) анализируется деятельность правления А.Акаева, который в результате авторитарного правления создал один вид клановой системы в управлении – политикосемейный. Хотелось бы отметить, что данная разновидность политикосемейного клана предложил чешский ученый С. Горак.[321]

Как было отмечено диссертантом, в годы независимости Кыргызстана произошла фактическая реабилитация и легализация региональных, клановых элит. В суверенном Кыргызстане функции институтов

политической самоидентификации стали выполнять институты клановой, родовой самоидентификации. Таким образом, поиски «собственного пути» у Кыргызстана в период правления А.Акаева, привело к возрождению архаических институтов средневековья, появлению феодальных уделов, семейственности, коррупции и обнищанию народа. Региональная и клановая элита кыргызского общества, сохранив не только свою сущность и традиции, но и массовую базу, получили возможность открыто влиять на процессы государственного строительства. Укрепление позиций клановости, трайбализма способствовали рыночная экономика, процесс модернизации в условиях формирующейся демократии. Экономические трудности, борьба за выживание способствовали сплочению людей на основе кровнородственной общности. Одной из причин роста клановости была также защитная реакция против влияния Запада на кыргызское общество, глобализация, наносящая непоправимый ущерб, прежде всего нравственным устоям общества, вековым традициям коллективизма, внутриобщинной демократии и взаимовыручки. Переходный период развития кыргызского общества привел к ущербу нравственных устоев общества, вековым традициям коллективизма, внутриобщинной демократии и взаимовыручки, ограничению авторитета и роли старшего поколения. Более того, многие проявления клановой идентичности принесли серьезную угрозу стабильности и целостности государства, способствовали росту сепаратизма и регионализма, которая в любой момент может выйти на поверхность, взорвав национально-территориальное единство страны. Возникла угроза всеобщей маргинализации населения страны.

Таким образом, в результате исследования, можем отметить, что 1) неформальные политические институты - кыргызские политические кланы, как продукт симбиоза традиционно-феодалных отношений и советской партийно-номенклатурной системы, продемонстрировали свою гибкость и в постсоветскую эпоху; 2) клановые структуры, с определенными ограничениями, допускаются к ресурсам государственной власти. Соответственно, на массовом уровне лидеры клановых структур выступают в качестве «этнических патронов», персонифицируя весь комплекс этносоциальных ценностей и интересов, «замыкая» на себе большинство формальных и неформальных связей. 3) А.Акаев в период своего правления, не смог создать баланс между притязаниями клановых структур. В итоге это привело к краху правления А.Акаева. 4) клановые отношения становятся центральным элементом внутренней политики Кыргызстана в конце XX в. – XXI в. 5) актуализация клановой системы в конце XX в., прежде всего был связан со слабостью государственного управления. В таких условиях родовая взаимопомощь между членами рода становилась незаменимой. В дальнейшем, охватывая все новые и новые стороны общественной жизни, этот феномен особенно обнажился в процессе строительства современного Кыргызстана. Основная масса людей, увлеченная идеей «возрождения нации», относилась к нему как возвращению традиционного «журтчуулука»

(общности), издревле стремящегося к сплочению. Однако надо отметить, что трайбализм почти всегда выражал или защищал интересы этнорегиональной идентичности или его подразделения, а не народа в целом. б) Одновременно с возрождением трайбализма и клановости обнажились коррупция, nepотизм и местничество, что естественно препятствовало демократическому развитию государства. Правящие элиты вступили в скрытую, иногда и в открытую фракционную борьбу. Многих представителей титульной нации она увлекла лозунгами укрепления национальной государственности, повышения политико-правового статуса Кыргызстана, возрождения этнической культуры и ценностей.

Таким образом, период суверенитета и независимости Кыргызстана способствовал культурной реабилитации и легализации традиционализма, национальной идентичности. Это создало благоприятные условия для возникновения и усиления кыргызских политико-семейных кланов. Политическая элита республики не смогла принять новые либеральные ценности, а потому утратила самоактуализацию и самоуважение. Традиционный тип устройства находился в генетическом родстве с историей большевистских идеалов, поэтому усиленно реставрировался бывшими лидерами республиканских Компартий – президентами независимых государств Центральной Азии.

В девятом параграфе **«Мартовская революция 2005 г.: как последствия клановости»** анализируются причины возникновения революции. Большое внимание было уделено освещению социально-экономических, социалистических, политических событий данного периода. На основе изучения причин мартовской революции 2005 г. были сделаны следующие выводы:

Подводя итоги правления А.Акаева, последствием правления которого стал глубокий и перманентный кризис, который характеризуется следующими причинами.

1. В результате правления А. Акаева произошло сращивание семейного клана с государственным управлением, что в итоге породило новую форму клана – политико-семейного. По мере усиления клановой солидарности А. Акаева, произошел внутренний конфликт между влиятельными родами политического клана за передел собственности и сфер влияния. Образованные патронажные связи, nepотизм, коррупция упрочили стабильность политических кланов.

2. Увеличение влияния семейного клана А. Акаева, привело к росту оппозиции, ядро которой составили видные представители региональной элиты. Ввиду того, что А. Акаев не учитывал интересы и требования региональных элит, поддерживаемых протестной массой, это привело к насильственному отстранению его от власти.

В период правления А. Акаева актуализировался региональный вопрос Севера и Юга страны. В условиях продолжающегося мирового финансово-экономического кризиса роль регионов возросла. Этнорегиональная

идентичность в сочетании с родоплеменной стала конкурировать с этнонациональной и гражданской идентичностью. Надо добавить, что раскол кыргызского общества на регионы был больше идентифицированный, чем субкультурный. Идентификация выступает больше как социальная классификация, характеризующаяся отношениями между ними. Поэтому кыргызский регионализм в разрезе Севера и Юга, следует воспринимать как лишь один из важнейших компонентов кыргызской идентичности и идеологии.

3. Социально-экономический упадок страны. В результате «рыночных реформ» основная часть населения Кыргызстана жила за чертой бедности. Вопросы социально-экономического характера не были решены окончательно.

4. Слабый контроль над деятельностью представительств иностранных зарубежных структур. Однако, внешнее влияние в Кыргызстане не носило определяющего характера.

5. Отсутствие четкого политического курса страны. Западные модели реформ, не учитывающие местные особенности и традиции, осложнили все внутренние проблемы страны. Наличие конституционного, социально-экономического кризиса в стране привело к всеобщей маргинализации населения, увеличению потока миграций, высокому уровню бедности. Страна оказалась в глубоком экономическом и политическом дефолте.

6. Существенную роль сыграл и личностный фактор президента. Не исключено, что проявленная решительность дала бы возможность сохранения власти.

Нереализованность ожиданий народа привели ко второй, апрельской революции 2010 г. в Кыргызстане, что отразилось в последнем, десятом параграфе работы **«Трансформация традиционного кыргызского общества в современный период»**. В данном параграфе были освещены периоды политического кризиса Кыргызстана 2005-2010 гг. Подводятся итоги двух революций в Кыргызстане в 2005, 2010 гг. Большое место в параграфе занимают освещение социально-экономических, политических, региональных проблем и т.д.

События в Кыргызстане в 2005 г., 2010 г., которые привели к политическому кризису, объясняются следующими причинами.

Во-первых, основой протестного движения явилось резкое падение экономического уровня жизни, монополизация власти, всеобщая маргинализация населения. Трансформации части народа в толпу родил феномен т.н. «монстра-власти», описанного до этого в социологии поведения целенаправленно обезличенных масс, бездумно разрушающих свое настоящее и будущее.

Во-вторых, культивирование в государственно-властных отношениях клановости, которая на протяжении всего суверенитета страны стала играть ключевую роль в государственном управлении Кыргызстана. Личная

клановая преданность, привязанность олигархическим интересам, при этом закрытость, отчужденность, от основной массы общества. Интегрированная вокруг кланов крупная номенклатурная политическая элита, бизнес-элита составляли главные опоры семей президентов. Усиление клана привело к внутренним конфликтам: разрушению клана изнутри. Борьба за передел собственности и сфер влияния способствовали разъединительной политике внутренних влиятельных кланов, что естественно это отразилось и на народной массе.

В-третьих, продвижение кадров естественным образом совпало с регионально-родовой конфигурацией страны. При правлении первых двух президентов нарушение баланса северных и южных элит во властной структуре привел к свержению президентов. Для сохранения власти активно использовались этнорегиональная и родоплеменная идентичности кыргызов, трансформируя их в этнорегионализм, трайбализм, наполненный сепаратистским содержанием. Региональная сегрегация страны нашла свое завершение. Существенно важно отметить, что данная ошибка проявилась дважды.

В-четвертых. Наличие конституционного кризиса. Положения Конституции Кыргызской Республики были направлены на защиту и укрепление режима личной власти глав государства, противоречили мнению народа. Законодательная, исполнительная и судебная власти были сконцентрированы в руках одного человека, что было использовано в коррупционных целях.

В-пятых. В ходе политических событий 2005 г. и 2010 г. сыграл личностный фактор бывших президентов. Проявленный низкий культурный и политический уровень, а также агрессивность действий К. Бакиева и его окружения, привели к массовой гибели граждан республики. Использование военного ресурса для усмирения толпы, спровоцировало вооруженное столкновение массы с представителями государства, привело к трагическим последствиям в столице, национальной розни на юге Кыргызстана. Президент, как гарант государства, полностью дискредитировал себя. Поэтому, правовая, моральная ответственность за беспорядки, мародерство, физические и материальные потери народа полностью лежат на первых двух президентах.

В данном параграфе, также выделяются основные факторы, которые способствовали политическому кризису в Кыргызстане в 2010 г. На наш взгляд это: факторы конституционного кризиса, социально-экономический фактор, региональный фактор, фактор советского наследия, исламский фундаментализм, фактор влияния наркотрафика.

В событиях Кыргызстана в 2005 г. и 2010 г. можно выделить и существенные различия. Во-первых, в характере протестного оппозиционного движения. Действия оппозиции 2005 г. носили преимущественно мирный характер: она была максимально заинтересована в стабилизации ситуации в стране и контролировала массовое выступление.

Принципиально иной характер носило протестное движение 2010 г.: инициатором и ведущей силой выступила стихийная народная масса, не было целенаправленного руководства со стороны оппозиции, лидеры оппозиции присоединились на последнем этапе выступления. Агрессивное поведение масс в период правления К. Бакиева объясняется тем, что, во-первых, политико-семейный клан, в отличие от периода правления А. Акаева, стремительно за короткий срок достиг своего апогея. Во-вторых, окружение бывшего президента К. Бакиева, по сравнению с его предшественником, было более сплочено, консолидировано и мобильно. Личная преданность и патронажная система окружения К. Бакиева, способствовали жесткому сопротивлению в борьбе за сохранение власти.

В целом, причины революций 2005 г. и 2010 г. в Кыргызстане заключались, прежде всего, во внутренних конфликтах государства: семейственность и клановость, экономический кризис, неудачно выбранная форма правления, единоличная власть президента, отсутствие полного народовластия, недееспособность исполнительных ветвей власти, чрезмерная бюрократизация (интересы бюрократии как класса стояли выше интересов общества) и повальная коррупция. Политический и экономический кризис государства способствовал пробуждению традиционализма: региональной идентичности народа по принципу «Север-Юг», что поставило под угрозу сохранение целостности страны. Влияние западных государств на события в Кыргызстане не были определяющими. Надо понять, что смена политических элит в государстве это закономерная, объективная необходимость. Различие состоит только в том, что механизмы смены власти были специфичны: по тенденции силового свержения. Резонанс выступлений масс заключался в использовании современных политических технологий по осуществлению переворотов на постсоветском пространстве. Для стран СНГ это послужило переходным периодом постсоветского периода. Можно констатировать, что апрельская революция 2010 г. в Кыргызстане была прямым продолжением мартовской 2005 г., поскольку нерешенные проблемы 2005 г. вновь всплыли и были обнародованы в 2010 г.

В итоге, добавим, что годы суверенитета, усилиями политики бывших президентов Кыргызстана А.Акаева, К.Бакиева было проведено культивирование в государственно-властных отношениях клановости, которая на протяжении всего суверенитета страны стала играть ключевую роль в государственном управлении Кыргызстана. Стала поощряться личная клановая преданность, привязанность олигархическим интересам, при этом, все это происходило скрытно, закрыто и отчужденно от основной массы общества. Интегрированная вокруг кланов крупная номенклатурная политическая элита, бизнес-элита составляли главные опоры семей президентов. Борьба за передел собственности и сфер влияния способствовали разъединительной политике внутренних влиятельных кланов, что естественно это отразилось и на народной массе. Хотелось бы отметить, что продвижение кадров в политике естественным образом

совпадала с клановой, региональной, родоплеменной конфигурацией страны. При правлении президентов А.Акаева и К.Бакиева нарушение баланса северных и южных элит во властной структуре были одной из многих причин свержения президентов. Для сохранения власти активно использовались клановые, этнорегиональные, родоплеменные идентичности кыргызов, трансформируя их в этнорегионализм, наполненный сепаратистским содержанием.

ВЫВОДЫ

1. Исторический анализ клановой системы кыргызского общества в период XIX – XXI вв. показал, что в XIX в. клановая система играла положительную роль в жизни кыргызского общества, так как выступила главным стержнем консолидации кыргызского народа. В XX вв. – XXI вв., с момента включения Кыргызстана в индустриальную эпоху, клановая система характеризуется как негативное явление современного общества.
2. На протяжении всего исторического процесса клановая система кыргызского общества развивалась и эволюционировала как цельный социальный организм, трансформировалась из общего классического родового объединения в клановую систему.
3. Клановая система кыргызского общества имеет своим следствием ряд негативных тенденций, как развитие патронажных сетей, системы протектората и протекционизма, nepoтизма, кумовства, коррупции во власти.
4. Клановая система ярко проявляется и обостряется в период активных политических процессов, требующих социальной активности народных масс, социальных групп. В период политической активизации масс высока степень присутствия кланов в управлении государством.
5. Национальная интеллигенция, политическая элита кыргызского общества на высших уровнях власти в XX в. представляла из себя тоталитарно-традиционный симбиоз, при котором негласно высшие государственные посты закреплялись за представителями определенных клановых, родоплеменных элит.
6. Из существующих моделей клановой системы обществ, в современном кыргызском обществе постсоветского периода традиционные кланы трансформировались в политико-семейные. Главной характерной чертой которого выступили слияние клановости и семейственности с государственной властью.
7. Попытки реформирования клановой системы кыргызского традиционного общества существующей властью на различных исторических этапах заканчивались тщетной попыткой ее изменения. На определенных исторических этапах (период Российской колонизации, советский период) реформы, направленные на слом родоплеменной идентичности кыргызского народа, в итоге сращивались с государственным управлением.

8. В современный период развития Кыргызстана, а именно с периодом суверенизации, клановая система стало ярко отражаться на государственном управлении. Политические события 2005 и 2010 гг. в Кыргызстане являются свидетельством активизации и присутствия во властных структурах представителей клановых связей и сетей. Коррупцированные связи в рамках клановой системы создают вокруг себя патронажные сети для достижения и удержания доступа к власти.
9. Патронажные сети частично сформировались в политические партии.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ:

- Родоплеменные отношения рассматривать и воспринимать, как часть исторической памяти кыргызского народа, но не включать в систему государственного управления и кадровой политики современного Кыргызстана.
- Государство должно создать условия для объективного вымывания из общественного сознания родоплеменных отношений. Это может быть строительство индустриального общества и правового государства.
- Выработать и пропагандировать новый принцип национальной политики на основе общей системы политических и гражданских ценностей – политической идеологии.
- Актуализировать изучение истории, во избежание фальсификации и мифологизации культурного наследия кыргызского народа.
- Необходимо обеспечить обязательное участие независимых экспертов или представителей профессиональных общественных объединений в работе аттестационно-конкурсной комиссии. Снижение уровня коррупции положительно повлияло бы на снижение незаконной активности патронажных сетей.
- Инициировать повторное рассмотрение изменений и дополнений в нормативно-законодательную базу государства, в частности в Законы КР «О государственной службе» «О статусе судей в Кыргызской Республике», «О прокуратуре Кыргызской Республики», «О Следственном комитете Кыргызской Республики» об ограничении государственной совместной службы родственников. Данное ограничение присутствия родственников в государственной власти позволит эффективно противодействовать коррупции, nepотизму, протекционизму, кумовству.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Болпонова, А.Б. Исторические предпосылки мартовских событий 2005 г. [Текст] / А.Б.Болпонова // Вестник Иссык-Кульского государственного университета. – Каракол, 2006. – №16. – С. 239-243.

2. Болпонова, А. Кыргызстан: период «двойных стандартов» [Текст] / А.Б.Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2009. – №2. – С. 5-10.
3. Болпонова, А.Б. Трайбализм в кыргызском обществе в условиях российско-имперских преобразований [Текст] / А.Б.Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2009. – № 3. – С. 33-37.
4. Болпонова, А.Б. Внутрипартийная групповая борьба 20-30-х гг. XX в. – как проявление трайбализма [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2009. - № 3.– С. 14-18.
5. Болпонова, А.Б. К вопросу о силовой политике оседания кыргызов-номадов в конце 1920-х – начале 1930-х годов XX в. [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2009. – №4. – С. 13-15.
6. Болпонова, А.Б. Попытки ликвидации бай-манапства и кулачества в Кыргызстане [Текст] / А.Б.Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2009. – №4. – С. 16-20.
7. Болпонова, А.Б. Феномен трайбализма у кыргызов [Текст] / А.Б. Болпонова // Вестник КГНУ. – Серия 1. Социально-гуманитарные науки. – Вып 1. Патриотизм как основа политической идеологии и культуры Кыргызстана. Посвященное 80-летию Ч. Айтматова. – Бишкек, 2009. – С. 225- 228.
8. Болпонова, А.Б. Попытки модернизации структуры кыргызского общества [Текст] / А.Б. Болпонова // Вестник КГНУ. Серия 1. Социально-гуманитарные науки. – Вып 1. Патриотизм как основа политической идеологии и культуры Кыргызстана. Посвященное 80-летию Ч. Айтматова – Бишкек, 2009. – С. 268-272.
9. Болпонова, А.Б. Политическая элита Кыргызстана и клановая идентичность [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2010. – №1. – С. 5-9.
10. Болпонова, А.Б. Кыргызстан: опыт регионального управления [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2010. – №2. – С.12-16.
11. Болпонова, А. Север-Юг: проблема регионального вопроса [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2010. – №3. – С. 15-20.
12. Болпонова, А.Б. Обновленный традиционализм [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2010. – №3. – С. 21-26.
13. Болпонова, А.Б. Геополитические притязания России и США (на примере мартовских событий 2005 г. в Кыргызстане) [Текст] / А.Б.Болпонова // Вестник КГНУ. Серия 5. Труды молодых ученых. – Вып. 4: Труды КГНУ. Естественные и гуманитарные науки. – Бишкек, 2010. – С.130-133.

14. Болпонова, А.Б. Апрельские события 2010 г. в Кыргызстане [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2010. – №4. – С.62-65.
15. Болпонова, А.Б. Элементы кочевой идентификации кыргызов [Текст] / А.Б. Болпонова, Ч.Бексултанова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2010. – №4. – С.118-123.
16. Болпонова, А.Б. Крах политических режимов Кыргызстана в постсоветский период [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2011. – №1. – С.25-32.
17. Болпонова, А.Б. О прогрессивности кочевничества [Текст] / А.Б. Болпонова, Ч. Бексултанова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2011. – №1. – С.33-36.
18. Болпонова, А.Б. К исследованию проблемы трайбализма в XX в. [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2011. – №2. – С.42 – 51.
19. Болпонова, А.Б. Процесс оседания кыргызов в к. XIX – нач. XX вв. [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2011. – №3. – С.9-17.
20. Болпонова, А.Б. Правовая культура «гражданского общества» Кыргызстана [Текст] / А.Б. Болпонова // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек, 2012. – №1. – С.44 -51.
21. Болпонова, А.Б. Трайбализм и интеграция кыргызского общества [Текст] / А.Б. Болпонова // Вестник КРСУ. – Бишкек, 2013. – Т. 13. – № 6. – С. 6-9.
22. Болпонова, А.Б. Формирование кыргызского политического клана сер. XX – XXI вв. [Текст] / А.Б. Болпонова // Вестник КРСУ. – Бишкек, 2013. – Т. 13. – № 6. – С. 3-5.
23. Болпонова, А.Б. Проблема регионов в современном Кыргызстане [Текст] / А.Б. Болпонова // Вестник КРСУ. – Бишкек, 2013. – Т. 13. – № 9. – С. 6-9.
24. Болпонова, А.Б. «Клан» как объект исследования в современных условиях [Текст] / А.Б.Болпонова // Высшая школа Казахстана. – Алматы, 2013.– №2(1). – С. 121-124.
25. Болпонова, А.Б. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX –XXI вв.) [Текст] / А.Б. Болпонова // Поиск. – Алматы, 2013. – №2(2). – С. 84-89.
26. Болпонова, А.Б. Вопрос номадизма в современном кыргызском обществе. [Текст] / А.Б.Болпонова // Поиск. – Алматы, 2013. – №2(2). – С. 90-93.
27. Болпонова, А.Б. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX – XXI вв.) [Текст] / А.Б. Болпонова. – Бишкек: Махprint, 2013. – 284 с.

28. Болпонова А.Б. Политическая архаизация кыргызского общества: клановость во власти [Текст] / А.Б. Болпонова. // Перспективы интеграционных процессов Евразии в XXI в.: сборник материалов международной научно - практической конференции 10 октября 2013 г. – Уфа: РИЦ БашГУ – 2013. – С. 40-49.

Болпонова Асыл Бакытбековнанын
«Кыргыз коомундагы саясий процесстердин кландык системасынын тарыхы жана эволюциясы (XIX – XXI кк.)».
07.00.02 – Ата мекен тарыхы адистиги боюнча тарых илимдеринин доктору окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган диссертациясына
РЕЗЮМЕ

Негизги сөздөр: клан, уруу, урук, шайкештик, уруучулук, номаддар, көчмөн коом, номенклатуранын кланы, саясий үй-бүлөлүк клан, интеллигенция, этнорегионалдуулук.

Изилдөөнүн негизги максаты: кыргыз коомундагы саясий процесстердин ичиндеги XIX – XXI кылымдардын доорунда кландык системага тарыхый анализдер.

Изилдөөнүн объектиси: XIX – XXI кылымдардагы кыргыз коомчулугундагы тарыхый жана саясий процесстер.

Изилдөөнүн предметти: кландын системасынын тарыхы жана эволюциясы.

Изилдөөнүн теориялык-методологиялык негизи катары системалуу-тарыхый, критикалык-аналитикалык, тарыхый-салыштырмалуулук сыяктуу негизги жалпы тарыхый методдор, системалык анализ менен жалпылоонун логикалык методдору колдонулду.

Изилдоонун жыйынтыгы жана жанычылдыгы: автор тарабынан кыргыз коомундагы XIX – XXI кк. саясий процесстердин кландык системасынын тарыхы жана эволюциясы боюнча жаны коз-караш сунушталды. Ушуга байланыштуу томонку илимий жыйынтыктарды белгилеп отсо болот: XIX – XXI кылымдардын ичинде совет мамлекетинен кийин кыргыздардын кландык мамилелери традициялык кландан саясий-уй-булолук кланга кубулуп кеткен; уруучулдук оздук таанымы коп кылымдар бою коомдук консолидацияга айланып, кочмон этносторду сактап келген; кыргыздардын кландык системасы олкобуздун мамлекеттик системасына оз таасирин тийгизип келет, ички саясатын аныктап келет; мамлекеттин ички саясий процесстери активдешкен периоддо кландык система дагы активдешет.

Колдонуу даражасы: Диссертациянын талабы улуттук идеологиянын жана кыргызстандын элдеринин оздук таанымы учун туруктуу теоретикалык фундамент болуп берет, бул бир жагынан, салттардын синтезинин негизинде тарыхый эстелик жана озунчолук болуп саналса, экинчи жагынан мамлекеттин онугушуно стратегиялык жана глобалдык келечектуулук учун; мамлекеттин жанылануу саясатын тууралаганга багытталат, бул улуттук интеллигенцияны келечекте калыптандырат, ал оз учурунда мамлекеттин моделин проектилоодо алдынкы ролду атакарат; изилдоонун жыйынтыгы ата-мекен тарыхын жазууга, светик жарандык коомду тарбиялоого, бийик улуттук маданиятты жараттууга колдонулат.

РЕЗЮМЕ

диссертации Болпоновой Асыл Бакытбековны на тему: «История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX – XXI вв.)» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история

Ключевые слова: клан, род, племя, идентичность, трайбализм, номады, кочевое общество, номенклатурный клан, политико-семейный клан, интеллигенция, этнорегионализм.

Целью данного исследования является выявление и исторический анализ основных факторов функционирования клановой системы и их влияние на политические процессы кыргызского общества в период XIX – XXI вв.

Объект исследования – клановая система в политических процессах кыргызского общества в XIX – XXI вв.

Предмет исследования – история и эволюция клановой системы.

Методы исследования: системно-исторический, критико-аналитический, историко-сравнительный, логические методы системного анализа и обобщения. Используются принципы диалектики, а также структурно-функциональный анализ системного исследования.

Полученные результаты и их новизна: автором предложен новый взгляд на проблемы клановой системы в политических процессах кыргызского общества в XIX – начале XXI вв.: установлено, что клановые отношения кыргызов на протяжении XIX – XXI вв. были трансформированы от традиционных кланов до политико-семейных кланов постсоветского периода; раскрыто, что родовая, племенная принадлежность кочевых этносов, позволила кочевникам выжить на протяжении многих веков как единой консолидированной общности; выявлено, что клановая система кыргызов существенным образом влияет на государственную политику страны, определяет внутреннюю политику государства; актуализация клановой системы наблюдается в период активизации внутривнутриполитических процессов государства.

Степень использования: положения диссертации могут стать прочным теоретическим фундаментом для внедрения национальной идеологии и идентичности народов Кыргызстана, основанной на синтезе традиций, исторической памяти и самобытности, с одной стороны и стратегической и глобальной перспективы развития государства, с другой стороны; в корректировке государственной образовательной политики, направленная на формирование будущей национальной интеллигенции, которая будет играть ведущую роль в проектировании государственной модели; выводы исследования могут быть использованы при создании трудов по отечественной истории, в целях воспитания светского гражданского общества, создания высокой национальной культуры.

SUMMARY

of a thesis research of BOLPONOVA ASYL Bakytbekovna on: "History and evolution of clan system in political processes of the Kyrgyz society (XIX-XXI centuries)" presented for the degree of Doctor of Historical Sciences in national history For the specialty 07.00.02- history of Motherland

Keywords: clan, family line, tribe, identity, tribalism, nomads, nomadic society, nomenclature clan, political and family clan, intellectuals, ethnic regionalism.

Research task: historical analysis of clan system in political processes of the Kyrgyz society in XIX-XXI centuries.

Object of research: historical and political processes of the Kyrgyz society in XIX - XXI centuries.

Subject of research: history and evolution of the clan system

Research methods: the main general historical methods such as system and historical, critical and analytical, historical and comparative, logical methods of system analysis and generalization. The principles of dialectics as well as structural and functional analysis of system research are used. These methods allowed the researcher to follow the principles of objectivism and historicism.

Findings and their novelty: as a result of research the author offers a fresh approach on the nature and problems of the clan system in political processes of the Kyrgyz society in XIX and the beginning of XXI centuries. In this regard it is possible to highlight the following scientific results: it was found that the clan relations of the Kyrgyzs throughout XIX - XXI centuries were transformed from traditional clans to political and family clans of the Post-Soviet period; it was found out that family, tribal identity of nomadic ethnic groups, allowed nomads to survive throughout many centuries as the united consolidated community; it was revealed that the clan system of the Kyrgyzs significantly influenced and influences a state policy of the country, determines domestic policy of the state; actualization of clan system is observed during intensification of internal political processes of the state.

Extent of use: on the one hand the provisions of the thesis can be a strong theoretical base to introduce the national ideology and identity of the peoples of Kyrgyzstan based on synthesis of traditions, historical memory, originality and on the other hand on strategic and global prospect of development of the state; in correction of the state educational policy directed on formation of future national intellectuals, which will play the leading role in projecting a state model; the deliverables of the research can be used during creation of works on national history, for education of secular civil society, creation of high national culture.